

ЛЕТЯГИНА ИРИНА

Год, в котором не было лета

как прожить свою жизнь,
а не чужую

18+

Ирина Летагина
Год, в котором не было
лета. Как прожить
свою жизнь, а не чужую
Серия «Travel Story. Книги для отдыха»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43676589

Год, в котором не было лета / Ирина Летагина: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-091366-4

Аннотация

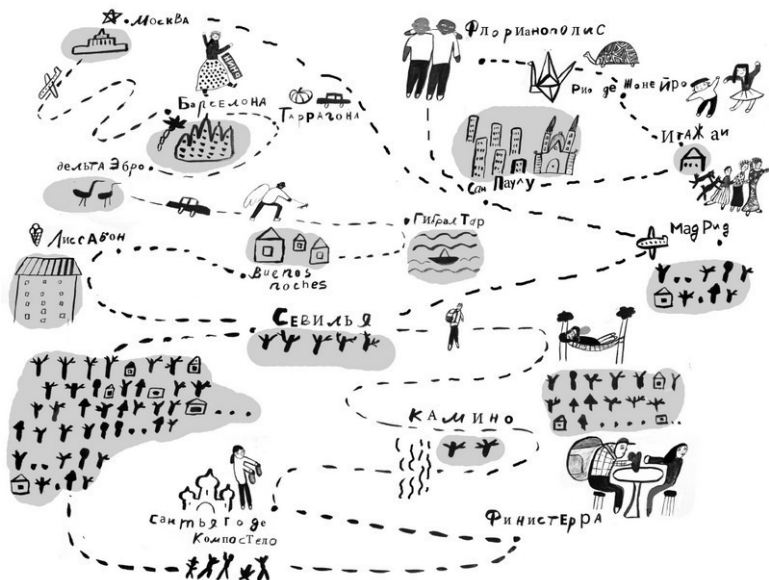
Ирина Летагина в свои 26 лет была успешным юристом в крупной консалтинговой компании, жизнь была ключом, но чего-то явно не хватало. Все твердили о том, как нужно и как правильно жить, но никто не говорил, что на самом деле нужно жить так, как хочется самой. Потеряв всякое желание развиваться в юриспруденции, оставив престижный университет за спиной и бросив нелюбимую работу, Ирина отправляется в путешествие без обратного билета. И все только для того, чтобы найти себя и узнать, какой путь предначертан именно ей. Решение было трудным, но именно оно кардинально изменило всю дальнейшую жизнь героини. Поездка оказалась невероятным приключением, полным добрых отзывчивых людей, необычных

знакомств и уникального опыта. Открывая эту книгу, мы отправимся вместе с автором в путешествие длиною в год, но, по иронии судьбы, нигде не застанем лета. Мы узнаем, чем чреват каучсерфинг для молодой девушки, как абсолютно бесплатно пересечь Атлантику в команде яхтсменов и каково передвигаться по Испании автостопом. А еще мы пройдем более 1000 километров по старинной дороге пилигримов, ведущей через Европу в испанский город Сантьяго-де-Компостела.

Содержание

Москва	7
Предыстория	7
Зачем	9
Океан	14
Что я брала с собой	19
Отъезд. Москва	23
Испания	26
Потеряшки. Барселона	26
Автостоп с дедулей. Таррагона	31
Озеро фламинго. Долина реки Эбро	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ирина Летагина Год, в котором не было лета. Как прожить свою жизнь, а не чужую

© Летагина И. С., текст, 2019

© Лукьянова Д. С., иллюстрации, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Москва

Предыстория

«...И здесь проторенные или еще не проторенные тропы твердят: чтобы стать мужчинами, мальчишки должны странствовать, всегда, всю жизнь странствовать...»

«Вино из одуванчиков»

Рэй Брэдбери

Три часа ночи. Одеяло-укрытие предательски сползло с края кровати. Через шерсть покрывала фонарик отдает красным светом. А под одеялом происходят морские баталии, жгучие ссоры между моряками и ураганы переворачивают лодку. Немыслимые животные табунами проходят по простыне, и воздушный шар вот-вот упадет прямо на подушку, поранив щеку главного режиссера-постановщика, который светит в книгу Жюль Верна фонариком, заставляя ее оживать прямо здесь и сейчас под его одеялом. В комнату заходит мама:

– Почему ты не спишь?

– Не могу. Пятнадцатилетний капитан чуть не погиб.

Брызги морских волн высыхают на лице режиссера солеными струйками слез. Режиссеру двенадцать, точнее, по-

чти тринадцать. И он самый эгоистичный в мире режиссер: он делает картины только для себя самого, никогда никому не показывая телевизионную ленту собственного воображения. На улице лето, душное днем и прохладное ночью. Мама оставляет режиссера в покое.

Если бы мама знала, что режиссер через тринадцать лет решит отправиться бороздить моря и океаны, она предпочла бы сжечь книги Жюль Верна.

Зачем

«...Старый чиновник, сосед мой по автобусу, никто никогда не помог тебе спастись бегством, и не твоя в том вина. Ты построил свой тихий мирок, замуровал наглухо все выходы к свету, как делают термиты. Ты свернулся клубком, укрылся в своем обывательском благополучии, в косных привычках, в затхлом провинциальном укладе, ты воздвиг этот убогий оплот и спрятался от ветра, от морского прибоя и звезд. Ты не желаешь утруждать себя великими задачами, тебе и так немалого труда стоило забыть, что ты – человек. Нет, ты не житель планеты, несущейся в пространстве, ты не задаешься вопросами, на которые нет ответа: ты просто-напросто обыватель города Тулузы. Никто вовремя не схватил тебя и не удержал, а теперь уже слишком поздно. Глина, из которой ты слеплен, высохла и затвердела, и уже ничто на свете не сумеет пробудить в тебе уснувшего музыканта, или поэта, или астронома, который, быть может, жил в тебе когда-то».

«Планета людей»,

Антуан де Сент-Экзюпери

Через тринадцать лет я стала юристом, который бросил свою карьеру и уехал в путешествие без обратного билета.

Зачем московский юрист с престижным образованием, опытом работы и карьерными перспективами завершил все

суды, передал серые скоросшиватели, набитые документами, коллегам, сложил рюкзак и отправился покорять океан? Совершал ли он побег? Может быть, он не справился с возложенной на него ответственностью? Не мог реализовать чьих-то ожиданий? Он был слабым для судебных боев? Чего он искал в глубине океанской воды? Какие вопросы мучили его?

Я очень часто задавала себе вопрос: зачем живет человек? Создан ли человек для счастья или для того, чтобы тянуть лямку нелюбимой работы, словно бурлаки на Волге? Дается ли призвание в качестве уникального таланта или у человека есть право самому определить свое предназначение? Что важно сделать в жизни: стать важной шишкой, собрать побольше монет разных стран, разбогатеть, увидеть рассветы всех континентов, создать семью, гонять с детьми мяч по двору, добиться известности, утешить старика, научиться играть на саксофоне? Как отличить самородок от золота Дураков, а свет солнца от искусственного освещения инкубатора? Кто решит и подскажет?

Как много соблазнов и страхов на пути поиска ответов. Кем-то пройденные пути, что берутся за образец. Кем-то возведенные на пьедестал почета герои. Кем-то нарисованные картины жизни, что преподносятся как идеал.

В шесть лет я приковывала к школьной парте свое неугомонное тело, жаждущее играть в лесу, купаться в речке, бегать по горам. В шестнадцать отправилась в университет,

чтобы познать созданную человеком систему законов и правил. В двадцать начала участвовать в разборках компаний, выпускать акции корпораций, делая кого-то еще богаче, копалась в грязном белье разводящихся бывших супругов. Не я придумала эту систему периодизации жизни: школа – университет – работа. Я не знала, кто ее придумал. Мечтатель внутри задавал вопросы, но никто не давал ответа.

Внешне все было красиво и прилично, а внутри пуста. Я не видела смысла в своей ежедневной деятельности, несмотря на результаты в судах, мне казалось, что все эти выигрыши-проигрыши не имеют решительно никакого значения. Несколько судов действительно соответствовали моим ценностям, но большинство дел я вела, потому что должна была их вести, ведь клиенты за это хорошо платили компании. Иногда мне казалось, что я больна какой-то неизлечимой болезнью, которая крадет жизненные силы. Я не знала, как можно жить иначе. Я не знала, как понять, кем я хочу работать и какие проекты создавать. Во мне было много «надо» и мало «хочу». И главное, времени, чтобы разобраться с тем, что для меня по-настоящему важно, было очень мало. Все вокруг твердили: «Не дури! Продолжай в том же духе. Зачем тебе эти поиски? Живи нормально. Тебе нужно оставаться стабильной!» – и в том же духе. После таких разговоров хотелось разве что удавиться. Когда я заходила в тупик, то представляла себя летящей с Большого Каменного моста в холодную осеннюю воду Москвы-реки, и эти секунды по-

лета до последнего вздоха пугали слепым отчаянием. Но я искала другие выходы.

Внутренние неразрешенные терзания не давали мне спокойно жить. Они заставляли сомневаться в верности выбранной дороги, такой очевидной, но такой чужой. Я чувствовала: время утекает, как вода из дырявого ведра, а ответы не приходят сами по себе. Во мне долго боролись юрист и мечтатель. Я чувствовала, как глина, из которой я была слеплена, затвердевает с каждой минутой и совсем скоро обожжется в огне юридических войн, станет кирпичом, и тогда не будет дороги назад. Достроенная тюрьма примет в свою одиночную камеру беспокойного мечтателя-бунтаря, приговоренного к пожизненному заключению, и приставит к дверям охрану. Он больше не напишет ни строчки, не взбаламутит планы на будущее, не ударит по гитарным струнам. Но я сжалилась над мечтателем и этим путешествием разрушала тюрьму, которую сама же и возвела для него.

Юрист и мечтатель внутри меня договорились между собой следующим образом.

– Ладно, – сказал юрист бунтарю летним днем. – Скажи, как ты хочешь найти ответы на свои вопросы?

– Мы пойдем и спросим море и звезды, растущие деревья, крестьян, работающих в поле, ветер, старых женщин. Кто-то же должен знать ответы.

– План сомнительный, – ответил юрист. – Но я сам порядком устал дышать городским смогом и слушать вердикты

судей.

Так я решила отправиться в путешествие, чтобы путем проб и ошибок, следуя интуиции, изучая других людей, найти ответ на главный вопрос: как прожить жизнь?

Океан

Однажды я прочитала историю семейной пары из Санкт-Петербурга. Сначала они арендовали лодку и ходили по морям-океанам во время отпусков. Потом они решили перейти Тихий океан. Начиная авантюру, они не планировали покидать город и сушу навсегда, но жизнь на лодке им понравилась, и вскоре они приняли решение поселиться на яхте. Они продали свою городскую квартиру и приобрели небольшой корабль под парусами. У них к тому времени уже было двое детей, которые тоже стали моряками. Третий ребенок появился на свет уже на лодке. Пара рассказывала, что начать путешествовать на яхте не так уж и сложно. Для этого не нужно становиться олигархом или его женой. Нужно просто попроситься на лодку к капитану, у которого есть свободная каюта и потребность в команде. Они также давали список портов по всему миру, где капитаны охотно набирают моряков. Ближайшим ко мне портом оказался Гибралтар. Со времен школьных уроков географии и песни Бутусова «Гибралтар – Лабрадор» в фильме «Брат 2» Гибралтар не давал мне покоя. Кусочек Англии рядом с Испанией. Город-порт. Что такого привлекательного есть на этом клочке земной тверди, что заставляет петь про него странные песни?

Я проверила информацию о Гибралтаре. Оказалось, что Гибралтар – одно из самых лучших мест в Европе для поис-

ка корабля, совершающего кроссатлантический переход, наряду с испанскими Канарскими и португальскими Азорскими островами. Каждый год в ноябре на острове Гран-Канарья стартует Атлантическое ралли, которое заканчивается на острове Сент-Люсия в Карибском бассейне. В октябре капитаны прекращают ходить по Средиземному морю, где европейской зимой становится прохладно, и устремляются к берегам Карибских островов, пока на Атлантическом океане не начался сезон ураганов. Лодки, которые не имеют амбициозных планов на победу в регате, комплектуют команду прямо на месте старта. В ноябре из Гибралтара на Канарские острова уходят десятки лодок. С октября по январь многие яхты, планирующие пересечь Атлантику, швартуются в Гибралтаре, закупаются провиантом, ищут команду для перехода, потом идут в Марокко, оттуда в Кабо-Верде, затем отправляются на Карибы.

Капитанам для долгого перехода всегда нужна команда. Круглосуточно кто-то должен следить, что делается на океане, также нужно готовить, убираться, что-то чинить. Да и месяц в одиночестве мало кому хочется проводить, разумеется. Что касается отбора моряков, на форумах я встречала истории о том, как капитаны брали себе на борт людей прямо в день выхода в плавание и учили вновь созданную команду навигации прямо во время похода. Кто-то из капитанов предпочитал сначала пожить в порту со своей будущей командой. Кто-то выдвигал невероятные требования, кто-то

не имел их вовсе. У каждого капитана свои ожидания от путешествия и компаньонов, четких критериев и правил отбора не существует. Люди есть люди, и у каждого свой устав. Готовиться к общению с капитанами как к собеседованию на работу было бесполезно. Я подумала, что мы либо найдем общий язык, либо нет.

Можно также заранее через специальные сайты для капитанов и моряков найти яхту, где нужны люди на борту. Но мне хотелось сделать это на месте: добраться до знаменитой Гибралтарской скалы, прийти в порт, посмотреть своими глазами, как люди живут на лодках, пообщаться с капитанами всех континентов в местных барах и найти команду по душе. Я надеялась на смекалку, умелые руки и удачу.

Я посмотрела невероятное количество видео с морских регат. Моряки очень много работали на кораблях и уставали физически. Это было мне необходимо. К тому времени я эмоционально устала от бесконечных контактов с людьми в большом городе, от выполнения социальных ролей, от нескончаемого потока общения. Мне хотелось окунуться в тяжелую физическую работу, чтобы тело победило слишком много думающую голову.

Я хотела отправиться в путешествие через полгода. Ни слова никому не сказав, я стала продумывать план А и план Б, медленно, но верно подготавливала себя к морской жизни. Я плавала в бассейне по три раза в неделю, откладывала деньги с каждой зарплаты на шестимесячный вклад, кото-

рый я планировала закрыть перед самым отъездом. Я читала книги о море, вечера проводила на сайтах о морских узлах и навигации, мониторила агрегаторы, продающие билеты.

Мой план встречи с океаном был прост. Я собиралась прилететь в Барселону, проехаться вдоль южного побережья Испании по берегу Средиземного моря и в порту Гибралтара найти лодку, которой требуется моряк.

Как только решение было принято, я стала бредить океаном, как если бы он был моим возлюбленным, с которым мы оказались в разлуке. Мне хотелось слушать океан, смотреть на него, отдавать мои ступни его холодным ласкам, присутствовать в его буре, страшась и моля пощады, трогать скользкие спины дельфинов, наблюдать черепах, чей возраст равен возрасту Чарльза Дарвина, если бы он дожил до наших дней. Я мечтала встретиться с огромным китом, который любит проплывать под кормой лодок и бить хвостом о гладь воды. Хотела узнать, что чувствует человек, когда рядом с ним медленно скользит треугольный плавник. Я желала обладать навыками портовой жизни и тайными знаниями моряков о приливах и отливах, навигации, управлении судном.

И пока я была вдали от него, океан вливался в мою жизнь зелеными и синими куртками пассажиров в метро, принтами якорей на фривольных майках студенток, полосатыми тельняшками, висящими в витринах московских военторгов, сведениями о регатах, фильмами Жак-Ива Кусто, которые превратились в ежевечерние просмотры. Я засыпа-

ла, убаюканная мечтами о волнах, бьющих о скалы, о волнах, заблудившихся в открытом море, гуляющих целый день по просторам водной глади, не встречая никаких преград, о волнах, накрывающих судна всей своей тяжелой массой, загоняющих команду в трюм и вдохновляющих на веру в бога лучше самого красноречивого священника на твердой земле. Мне хотелось тяжелого одиночества и стихии. Мне хотелось драить палубу и ворочать ящики с провиантом, ставить паруса и укреплять шлюпки по бортам. Мне хотелось уставать, молчать, мерзнуть и смотреть на океан.

Что я брала с собой

Я понятия не имела, что необходимо для жизни на лодке.

Я не знала, сколько продлится мое путешествие, и безумно боялась забыть какие-то важные вещи, без которых в походе невозможно обойтись. Тогда мне казалось, что такие вещи существуют, пока я не поговорила с парнем, который путешествовал на мотоцикле около полугода. Он сказал, что лучше не взять что-то, чем тащить с собой вещи, которые жалко будет выбросить. Он рассказал, как провез через всю Азию палатку, в которой спал лишь однажды, но не выбросил ее, потому что она была очень дорогой. Она прибавляла пару килограммов к его багажу. Этот разговор поменял мое восприятие путешествия: я поверила, что можно путешествовать налегке и не мучиться из-за отсутствия вещей. После этого разговора из моего багажа были исключены книжки в дорогу, палатка, коврик для йоги, массажная расческа.

Я стала изучать форумы мореходов. Все в один голос говорили, что без непромокаемой ветрозащитной куртки, штанов и резиновых сапог нечего делать в море.

кожаной куртки, пары маек и нескольких комплектов нижнего белья. Все это я скрутила рулончиками. Никаких вакуумных пакетов у меня не было, хотя они действительно экономят место в рюкзаке и могут сберечь одежду сухой во время дождя.

В моем арсенале также была аптечка с йодом, активированным углем, смектой, бинтом, солнцезащитным кремом и антигистаминными препаратами. В боковые карманы я положила небольшую расческу, зубную щетку, скотч, фонарик, пару пакетиков овсяной каши, батончики мюсли, термокружку и бельевую веревку.

Я уложила российский паспорт вместе с его ксерокопией в пакет и замотала все это скотчем. Друг принес мне электронную книгу, а подруга подарила плеер с русскими песнями для ностальгии. Электронная книга была открыта мной лишь дважды за все путешествие, а вот плеер иногда очень радовал.

Весь мой багаж составил около пятнадцати килограммов. Все уложилось внутрь рюкзака, правда, он был похож на огромную палку докторской колбасы, перетянутую ниточками.

Я совсем не переживала о любимых вещах, которые оставляла в Москве. Да, мне нравилась моя привычная обстановка, мне нравились мои картины, тибетская поющая чаша, фотографии, книги, велосипед и ролики. Но разве я не хотела перевернуть свою жизнь с ног на голову? Мне хотелось

легкости и свободы от вещей из моего обычного мира.

Я забронировала отель в Барселоне на две ночи. После Барселоны я решила ориентироваться по ситуации.

Отъезд. Москва

«Новое время года приходит внезапно, одним скачком! Вмиг все вокруг меняется, и тому, кому пора уезжать, нельзя терять ни минуты».

«В конце ноября»

Тове Янссон

Тридцатое ноября. Пальцы быстро стучали по клавиатуре. «На основании всего вышеизложенного прошу суд...» и в том же духе. Работа превыше всего. В ночь перед вылетом я последняя ушла из офиса и зашла в квартиру за три часа до выезда в аэропорт. Я готовилась к этому путешествию полгода и пятнадцать минут: уложила приготовленные вещи в пятидесятилитровый рюкзак и на оставшееся время провалилась в сон.

Проснулась без будильника, разбудила младшую сестру, мы наскоро позавтракали и отправились в аэропорт. Я уезжала инкогнито. Только близкие люди знали о моей мечте пересечь Атлантику на попутном паруснике: младшая сестра, мама, несколько друзей.

По дороге в аэропорт мы с сестрой судачили и смеялись как ни в чем не бывало, обсуждая события из студенческой жизни младшей, детективы на моей работе, и совсем немного заглядывали за ширму будущего, интересуясь, как там все будет после отъезда.

Москва была спокойна. Ранним утром она, заспанная, уставшая еще век назад, не гнала меня и не пыталась удержаться, она просто была со мной. Странное дело, но я чувствовала себя мужем Москвы. Причем очень драматичным. Который больше не знает, чего он хочет от жены. Когда брал в жены, знал и верил, что это навсегда и по любви. Потом чувства стали угасать, Москва перестала радовать, но попробовать жить по отдельности не хватало мужества. Куда же без нее? Она же была такой недосыгаемой девять лет назад, такой яркой и радостной, потом покорила, поверила и познакомилась с нужными людьми. Как такую жену бросать? И муж ей безбожно изменял. То подбирал себе деревни, то экзотические мегаполисы, но всегда возвращался к ней с тоской по утраченному раю. Москва знала тонкие струны моей души лучше самого талантливой скрипача. И вот сейчас, когда муж нашел в себе силы разъехаться, она поступила мудро и не держала меня. Я была благодарна за это спокойствие.

В аэропорту я обняла сестру до сдавленных ребер. Так сильно и долго, когда кажется, что вообще никогда не раскроешь объятий, и никто не решается первым отнять рук. Я внезапно осознала: не знаю, когда смогу обнять ее в следующий раз.

К таможенному контролю подошла длинноволосая рыжая девушка двадцати пяти лет от роду. Она занималась юриспруденцией и разоблачением мошеннических схем, рисовала дилетантские карикатурные портреты пассажиров в мет-

ро, читала захлеб и писала в стол, делала волшебную сладкую вату и училась крутить сальто назад. Я ли это была?

Самолет прорвался сквозь скверно постиранную грязно-серую перину облаков к голубому небу и солнцу. Мой год, в котором не было ни одного дня лета, начался.

Испания

Потеряшки. Барселона

Я начала свое путешествие в Барселоне. Аэропорт Барселоны ночью был тих и безлюден. Испанский воздух свободы и приключений действовал на меня как веселящий газ. Одурманенная этой вольностью, я вышагивала по коридорам, интуитивно следуя к выходу в город, где планировала окунуться в угар джаз-баров, съесть глазами имбирные пряники зданий Гауди, не ложиться спать никогда и танцевать, как ни разу не танцевала. В предвкушении выхода из аэропорта в зимнюю испанскую ночь я шагнула на эскалатор и через тринадцать секунд оказалась на подземной парковке. Выход в город откладывался, потому что я заблудилась.

Все, кто путешествовал со мной, знают, что география, карты и навигация – это не мой конек. Я могу заблудиться в Питере, в котором была раз тридцать, чуть не опоздать на посадку в самолет из-за сложного для моего понимания строения аэропорта, могу ждать такси у другого выхода. Спасибо моим друзьям за понимание и терпение, иногда такие ошибки просто невероятно раздражают. Даже меня саму.

Но иногда, когда я теряюсь, происходят встречи, ради которых стоит теряться.

Я повернулась вправо-влево и встретила глазами с девочкой, такой же потерянной, как и я. Она неуверенно улыбнулась, а я улыбнулась в ответ. Мы решили найти выход вместе и доехать до города. Потеряшку звали Ниной. Она оказалась бразильяжкой, которая уехала в Ирландию, чтобы получить опыт жизни в чужой стране, выучить язык, побывать в Европе, заглянув в Испанию, где она прожила несколько детских лет.

Мы сели на автобус до города. И Нина в первую минуту нашего знакомства начала подшучивать надо мной на хорошем английском. Обычно люди стесняются шутить над кем-то при первой встрече. Потеряшка не стеснялась, тем самым проложив тропинку к моему сердцу. Очень люблю таких людей. Они, словно реализуя принцип взаимности, дают мне разрешение шутить над ними. Если подбираются шутники одного уровня, можно играть в теннис или волейбол, пока кто-то не пропустит словесный гол. С Ниной всегда надо было быть начеку, чтобы ответить на шуточный выпад, иначе проиграешь ей партию в теннис, где мячом служит ирония, и она не захочет больше играть как со слабым партнером. Но, похоже, она увидела во мне достойного компаньона по дружескому матчу, закидывая шутками, относящимися к моей персоне, словно машина для подачи теннисных мячей. Ловко орудуя шпильками иронии, мы не заметили, как докатились до известной улицы Барселоны, Рамблы. Пора было выходить.

В Барселоне Потеряшка планировала задержаться три дня, а потом отправиться на север Испании. Наши планы совпадали в части Барселоны. В итоге мы провели три дня вместе, практически не расставаясь. Мы гуляли по Барселоне, ездили на велосипедах, искали фонтан Шакиры, ели кислые мандарины из центрального парка, угорали в барах, танцую, как никогда не танцевали.

В последний день наших барселонских каникул я предложила Нине сходить в известный джаз-бар Харлем. Для меня все бары делятся на алкогольные и музыкальные. И в тех и в других могут играть группы. Но в алкогольные бары гости приходят пропустить стаканчик под аккомпанемент гитары и саксофона. В музыкальных барах, ради того чтобы остаться слушать дуэт гитариста и саксофониста, заказывают стаканчик. Харлем был из вторых.

В Харлеме чувствуешь себя создателем музыки, потому что граница между выступающими и посетителями бара довольно условная из-за джем-сессий. Во время джем-сессий музыканты постоянно меняются, каждый гость может поиграть в группе или спеть у микрофона. Просто подходишь, например, к пианино, когда захочешь. И предыдущий музыкант, понимая твои намерения, доигрывает вариацию и уступает тебе место.

Публика там подбирается тоже необычайно талантливая. Можно спокойно общаться с соседом за барной стойкой. По профессии он журналист или инженер. Вы говорите о чем-

то, а потом начинается джем. Он извиняется за прерванный разговор. Отставляет пиво в сторону, встает со своего барного стула, проходит к сцене и садится за фортепиано. Вы слышите импровизацию на тему Чаттануги-Чу-чу в исполнении вашего соседа-журналиста или соседа-инженера и диву даетесь. А потом он идет к микрофону. Оказывается, что он еще и поет. Окончив концертную деятельность, он скромно возвращается к барной стойке и допивает свое пиво. Такие дела.

Итак, мы прошлись по переулкам ночной Барселоны и протиснулись в небольшое помещение Харлема. Народу было битком. Нина озиралась по сторонам с ностальгической улыбкой человека, с которым случилось дежавю, а потом сказала: «Кажется, я здесь была!». Оказалось, что ее мама была продюсером испанской джазовой группы. Когда Нине было три года, они с мамой жили в Испании, группа часто играла в Барселоне и непосредственно – в Харлеме. Нина, будучи трехлетней малышкой, устраивала балы кукол на полу Харлема во время репетиций. В тот вечер повзрослевшая Нина знатно танцевала на этом самом полу. Русская показала бразильянке бар в Испании, в котором бразильянка, будучи маленькой, играла в куклы.

Это было какое-то невероятное совпадение, красивое, как узоры калейдоскопа, и трогательное, как искренность ребенка.

На следующее утро я пошла провожать Нину на поезд. По

дороге Нина обмолвилась, что она через месяц будет работать волонтером в буддийском монастыре рядом с Лиссабоном в городе Синтра. Я планировала через месяц быть уже в открытом океане на лодке, которая идет на Карибские острова. Я сказала Нине, что мечтаю побывать в Бразилии. Она ответила: «Ты должна приехать в Бразилию, когда там буду я. И ты будешь жить в моем доме».

Мне было очень грустно с ней прощаться, потому я ухватилась за эту идею как за спасательный круг. У меня появилась уверенность: что бы со мной ни случилось, я знаю место на другом континенте, где мне будут рады. Мы обнялись со слезами на глазах и тихой радостью в сердце. Поезд уже мчал Нину на север Испании, когда я забросила рюкзак на спину и отправилась вон из города, чтобы начать автостоп к Гибралтарской скале.

Автостоп с дедулей. Таррагона

Честно говоря, на тот момент я путешествовала автостопом только один раз в жизни на трассе Москва – Санкт-Петербург. Прожженные автостоперы называют эту трассу «автостоп для чайников». Каждая вторая машина идет до Санкт-Петербурга, каждая третья готова подхватить тебя. Кроме того, тогда я путешествовала вдвоем с американцем, который собаку съел в автостопе. Он был большой и сильный, и с ним я ничего не боялась. До Санкт-Петербурга мы сменили всего две машины: доброго таксиста и сумасшедшего водителя грузовика. Водитель грузовика был лыс, двухметров, говорил на пяти языках, обожал проституток, еду и свободу именно в такой последовательности. Прямо под Питером у нас пробило колесо, и водитель вместе с моим товарищем-американцем его меняли. Несмотря на это, до Санкт-Петербурга мы добрались очень быстро: утром мы выехали из Москвы, а вечером того же дня были в Питере. Неплохо для первого раза.

Теперь мне предстояло выйти на трассу в одиночестве. Я слышала, что автостоп в Испании хуже питания африканских детей. Испанцы лучше будут возить воздух. Никто не понимает идеи разделить свою машину с незнакомцем или незнакомкой, даже если свободных сидений в машине навалом. Я решила проверить это на себе, потому что очень люблю идею автостопа. Во-первых, это про людей и взаимовыручку. Ну серьезно, если нам по пути и у меня есть свободное место в авто, почему не подбросить человека? Во-вторых, это про доверие. Я люблю людей и хотела бы жить без страха угрозы своему существованию от какого-нибудь другого индивида, где бы я ни находилась. В-третьих, когда у меня

много энергии, автостоп – это весело. Можно проехаться с бизнесменом, сапожником, фермером, режиссером и музейным работником за один день и набраться новой музыки, лексики, названий книг, имен комиков и историй из чужих жизней.

В теории все было гладко, но на практике я дико стеснялась и боялась начать свой первый одиночный автостоп. У меня не было знания испанского, таблички с названием города и, что самое главное, смелости выйти на автобан с поднятой рукой. Я достала из потаенного кармана золотое колечко, похожее на обручальное, и надела его на безымянный палец правой руки для безопасности. Не знаю как, но, говорят, это работает на подсознательном уровне.

Вокруг меня был урбан. Заводы тянулись к солнцу нагромождениями труб разных диаметров и длин, квадратные коробки складов серыми кубиками лежали до горизонта, заspanные люди в синих робах и оранжевых пластмассовых касках что-то грузили, где-то подвозили товар, с кем-то ругались. Мимо пролетали трейлеры и легковушки, велосипедисты и бегуны. Солнце стремилось в зенит. Надо было действовать. Я вышла на трассу в сторону Валенсии. Буквально через три минуты возле шиномонтажа мои глаза встретились с глазами старичка на старом маленьком «Фольксвагене». Увидев мое замешательство, он сам предложил меня подвезти. Я за пять секунд первичного восприятия оценила его как очень милого и беззлобного. Возраст около восьми-

десяти лет, болезнь Паркинсона сотрясала его голову и руки, на заднем сиденье покоилось детское кресло.

Я открыла заднюю дверь, бросила рюкзак рядом с детским креслом, сама села вперед, пристегнула ремень, улыбнулась своей дежурной походной улыбкой, и мы тронулись. Волна радости обдала меня с ног до головы. Я в Испании, одна, стоплю, разрушая стереотипы об испанцах, которые не подбирают на дорогах.

Мой испанский был очень плох, кроме стишка про мистера Тыкву и знания названий направлений движения на испанском я могла только поздороваться. Дедуля что-то лепетал на своем родном, я пыталась ему отвечать, добавляя к английским словам окончание – сьон. Он понял, что по-испански я не говорю. Мне хотелось его переубедить, но стишок про мистера Тыкву был единственным в моем арсенале, который я знала назубок. Озвучивать я его не решилась. Дедуля замолчал, а потом спросил что-то про мое колечко на правой руке. Я ответила, что я, мол, замужем, и мой муж ждет меня в Валенсии. Но он наверняка не понял. Еще какое-то время мы проехали молча. Я с открытым ртом смотрела на окружающие пейзажи. Вдалеке справа высились холмы с шапками облаков на их гордых головах. Внутри них, наверное, жили духи средневековых менестрелей и ночами играли на дудочках. Слева иногда проглядывала рябь Средиземного моря. Я разглядывала луга фиолетового чертополоха из окон машины и не верила своему освобождению, по-

ка не почувствовала трясущейся руки на моей ноге. Я даже не испугалась. Посмотрела на свою ногу, потом исподлобья на своего водителя-дедулю. Я увидела, как он тянется своей трясущейся головой к моему лицу и говорит нараспев «амоооор». Это испанское слово я знала. Следующие пару секунд были уроком русского мата, крепкого как водка, для испанского дедули. Я потребовала остановить машину. Деда с равнодушием пожал плечами: нет так нет. Жучок, пыхтя масляными испарениями, остановился на обочине. Я быстро вылезла из машины, забрала рюкзак с заднего сиденья. Вид детского кресла не давал мне покоя.

Маленькая машинка покатила дальше как ни в чем не бывало, а я стояла на трассе, не испугавшаяся, но шокированная. И только два вопроса были в моей голове: есть ли у дедули бабушка и как он может поддерживать такой высокий уровень уверенности в себе в его возрасте?

Озеро фламинго. Долина реки Эбро

В Испании есть целые озера фламинго, расположенные в долине реки Эбро. Быть в Испании и не увидеть такую красоту собственными глазами я не могла. Я решила на один денек свернуть с маршрута на Гибралтар, чтобы посмотреть на эти озера. Я мечтала увидеть фламинго в дикой природе.

Еще в детстве я слышала, что если фламинго перестанут есть специальные водоросли, они станут белыми. И я очень переживала за фламинго. Представляете себе: фламинго медленно, день за днем теряет свой розовый цвет, свою уникальность, свою отличительную черту, свою красоту. Это все равно, что каждый день отмывать с мылом жесткими щетками радужную краску со стен разноцветного городка, превращая его в серый район.

А тут в Испании фламинго вольготно и безопасно. Но все же я переживала за их окрас, поэтому направилась к озерам, чтобы самой все увидеть.

Я вышла на трассу. Пять автомобилей с удивленными лицами водителей пролетели мимо меня. Шестой авто оказался трейлером хиппи. Вагончик резво пролетел мимо меня, проехал двадцать метров и затем резко затормозил. Дверь трейлера открылась, и мне навстречу, перебирая могучими лапами, понесся огромный боксер. Грозная на вид собака подбежала ко мне и стала осторожно лизать мои ладони. Я побежала к трейлеру вместе с ласковым великаном, и пара римских хиппи взяла меня на борт.

Мужчина носил огромные дреды, его свитер был в собачьей шерсти, у его спутницы были крашеные белые волосы и синие ногти с облупившимся лаком. Пара путешествовала по Европе в этом вагончике уже десять лет вместе со своим боксером. В раковине лежал пучок сельдерея, а на столе были рассыпаны хлебные крошки, видимо, недавно пообедали. Они курили одну самокрутку, передавая ее друг другу, и поитальянски ругались на подрезавшие их машины. Боксер с самого начала, как мы тронулись, подошел к водителю и положил ему на колено свой необъятный бойцовский череп.

В лицо мне дул ветер, перемешанный с дымом самокрутки, я улыбалась. Через пару часов хиппи закинули меня в район одного из национальных парков, где я должна была встретиться с фламинго и проверить их окрас. Там мы и распрощались. Добрые хиппи уехали на побережье, я, стряхивая рыжие, черные и седые волосы боксера с единственного теплого свитера, отправилась искать озера с розовыми длинноногими и большеклювыми птицами.

У моего плана с точки зрения надежности был явный изъян: карты у меня не было, в месте, где я спустилась с порога трейлера милых хиппи, была деревенская глушь, солнце начинало садиться. Я пошла по указателям к озеру фламинго, надеясь успеть до заката. До озера было около шести километров. Я шла вдоль вспаханных полей, на которых не было ни грамма зелени, шла через мандариновые заросли, через оливковые деревья. Пахло русской деревней осенью: влаж-

ная почва, преющие листья.

И через четыре километра я увидела указатель, что до озера по-прежнему шесть километров. Так, понятно. Фламинго откладывались на завтра. Нужно было где-то найти ночлег. Кругом ни души. Я решила дойти до ближайших огней: там будет либо деревня, либо город. Можно попробовать заночевать в церкви или на крайний случай в отеле.

Я говорю – на крайний случай, потому что в этом путешествии у меня было неприятие отелей. В отелях нет жизни. Там ночуют, проводят дни, но не живут. Каждый новый гость стирает предыдущего из истории. Вечное обнуление. А мне хотелось есть жизнь ложками, черпать ее из бьющих ключей испанских деревень и городов и жадно глотать эту родниковую воду, и чтобы вода струилась по лицу.

Я шла на огни. Примерно через час блуждания по полям и посадкам деревьев я незамеченной вошла в небольшую испанскую деревню. В первую очередь пошла к церкви. Стучалась в ворота по-хоббитовски: большим железным кольцом. Нет ответа. Звонарь в колокол звонил, но дверь не открывал. А я думала, церковь – стопроцентный вариант: добро, человечность, взаимопомощь братьям и сестрам. Ладно, отправлюсь к людям.

Пришла в бар, народа тьма. Но по-английски никто не говорил, значит, найти ночлег здесь не получится, раз даже чая не закажешь. Подумала, что ни религия, ни люди мне сегодня не помогут, нужно лавочку искать. И после четырех ча-

сов скитаний по полям, безрезультатно пытаюсь хоть что-то заказать в баре, я поплелась к выходу. И тут один весельчак, похожий на немца, меня окликнул по-английски. Я выдохнула. После моего рассказа, что я тут делаю и куда путь держу, он сильно удивился, быстро организовал мне ночлег у местного испанца и расспросил, как это так я одна путешествую. Он оказался голландским программистом, который живет с женой и детками в этой испанской деревеньке. Они всем селом в тот день выиграли соревнования по приготовлению паэлы с соседней деревней, потому у них большое празднество, все счастливы и пьяны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.